

«Военное сословие» Российской империи: офицеры недворянского происхождения в Сибири рубежа XVIII–XIX вв.

Андрей Дмитриев

**The «military estate» of the Russian Empire:
officers of non-noble origin in Siberia at the turn of the 18th–19th centuries**

Andrey Dmitriev

(Novosibirsk State University, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X24020065, EDN: HJBYFW

При изучении вопросов, связанных с влиянием регулярной армии и службы в ней на эволюцию социальной системы России имперского периода, исследователи традиционно уделяют основное внимание роли военной службы как канала социальной мобильности, особенно в промежутке с 1721 по 1845 г., когда лица непривилегированного происхождения, достигая обер-офицерских чинов, пополняли ряды потомственного дворянства. Авторы охотно цитируют соответствующий пункт 15 петровской Табели о рангах¹. Однако судьбы представителей тех семей, чьи родоначальники приобрели дворянское звание в указанный период именно таким способом, до сих пор фактически не изучались. Отмечено, правда, что «офицеры — выходцы из других сословий, ставшие дворянами по офицерскому чину... не имели никакой собственности, и в результате... офицерский корпус стал превращаться в социальную группу, подавляющее большинство которой жили только на жалованье»². Но это заставляет задаться вопросом: если большинство из тех, кто приобрёл дворянство через военную службу на протяжении почти 125 лет, всё-таки не становились «подлинными» представителями «благородного» класса, то как определить позицию их самих и их потомков в социальной структуре Российской империи?

Л.Г. Бескровный, суммируя данные о численности регулярной армии России в XVIII в., определил цифру находившихся на военной службе к концу этого столетия (по табелям 1795 г.) как превышающую 450 тыс. человек (без учёта казачьих войск), что составляло более 1% от численности населения Российской империи в целом (на 1795 г. — чуть более 41 млн человек)³. Такую долю невозможно исключить из общей структуры населения страны. Исходя из этого было предложено рассматривать военнотружущих регулярной армии, не являвшихся дворянами по происхождению, как особую группу, идентифицируемую по критерию профессиональных занятий, а не по социальной при-

© 2024 г. А.В. Дмитриев

¹ ПСЗ-I. Т. 6. № 3890. С. 492; *Keep J.L.H.* Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462–1874. Oxford, 1985. P. 126; *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. М., 2003. С. 38–39.

² *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. С. 42.

³ *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XVIII веке. Очерки. М., 1958. С. 314–327; Историческая география России, IX — начало XX в. Территория. Население. Экономика: очерки. М., 2013. С. 161.

надлежности. И.В. Волкова, ссылаясь на Г. Зиммеля, утверждает, что «“корпоративная” принадлежность составляла главную ось в самоидентификации любого военнослужащего... Полагалось еженедельно напоминать солдатам, что они уже более не принадлежат к “мужицкому” племени и с зачислением в армию поднялись над ним»⁴.

Б.Н. Миронов интерпретировал ситуацию следующим образом: «Люди, попавшие в солдаты, переходили в состав “военного сословия”, свой новый статус передавали жене и детям, если были женаты, после отставки — сохраняли... С введением всеобщей воинской повинности специфическая сословная группа “военные”, некорректно называемая сословием, перестала существовать». Но и Миронов фактически признаёт, что данный социальный феномен остаётся загадкой для российских историков, поскольку в сноске «для интересующихся историей “военного сословия”» перечисляет только работы зарубежных специалистов: Д. Байрау, Дж. Бушнелла, Дж. Кипа, Э. Виртшафтер⁵. Правомерна ли данная гипотеза? В настоящей статье я предлагаю решение этой задачи, избрав предметом анализа военнослужащих, имевших штаб- и обер-офицерские чины в полевых частях регулярной армии, дислоцированных к концу XVIII в. на «восточной окраине» Российской империи — в Сибири.

На территории Сибири на протяжении всего имперского периода почти отсутствовало потомственное дворянство (сибирские дворяне как особая категория не имели равных прав с дворянскими фамилиями Европейской России), что может, на первый взгляд, подтвердить точку зрения Миронова именно на сибирском материале. Общая численность личного состава подразделений регулярной армии к востоку от Урала на 1795 г. — не менее 17–18 тыс. человек (около 1,5% от общей численности населения зауральской части империи)⁶. На конец XVIII в. пришлась смена поколений, когда на службу в частях Сибирского корпуса пришли сыновья офицеров, служивших в середине — второй половине столетия. Опираясь на списки личного состава армейских подразделений 1740–1780-х гг.⁷, я предпринял попытку выявить среди офицеров, числившихся в шести полевых полках Сибирской дивизии к рубежу XVIII–XIX вв., тех, кто показывали себя штаб- и обер-офицерскими детьми и являлись прямыми потомками лиц, уже состоявших на военной службе в Сибири. Категорию штаб- и обер-офицерских детей ввели в формулярные и послужные списки личного состава полков и батальонов русской армии XVIII в. как раз для обозначения социального происхождения людей, являвшихся потомками тех, кто «выслужил» себе дворянство⁸.

⁴ Волкова И.В. Русская армия в русской истории. М., 2005. С. 84–85.

⁵ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 1. СПб., 2014. С. 446, 500.

⁶ История Сибири с древнейших времён до наших дней. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. Л., 1968. С. 183.

⁷ Данные о кадровом составе офицерского корпуса полевых и гарнизонных частей Сибирского корпуса за эти десятилетия см.: Дмитриев А.В. Русская регулярная армия в Сибири (1725–1796 гг.): особенности военной службы на «восточной окраине» Российской империи в XVIII столетии. М.; СПб., 2017. С. 193–320.

⁸ Обер-офицерскими детьми назывались сыновья гражданских чиновников недворянского происхождения, имевших чины «обер-офицерских» классов — от XIV до XI по Табели о рангах, которые давали только личное дворянство, и сыновья офицеров недворянского происхождения, родившиеся до получения отцами первого офицерского чина, который приносил дворянство (Волков С.В. Русский офицерский корпус. С. 66). Штаб-офицерскими детьми звались сыновья офицеров, дослужившихся до чина секунд-майора и выше.

К 1796 г. полевые войска в составе Сибирского корпуса насчитывали девять батальонов — 1-й и 2-й егерские, 3-й, 4-й, 5-й и 6-й мушкетёрские, Екатеринбургский, Семипалатинский и Колывано-Воскресенский пехотные, а также три полка — Ширванский мушкетёрский, Иркутский и Сибирский драгунские⁹. Сразу после прихода к власти императора Павла I начались преобразования, затронувшие и части, дислоцированные в Сибири. Образованная по «конфирмованному» императором 3 декабря 1796 г. расписанию войск 12-я Сибирская дивизия под командованием генерал-лейтенанта Г.Г. Штрэндмана состояла уже не из батальонов, а из полков: Екатеринбургский и Семипалатинский батальоны свели в Томский мушкетёрский, 3-й и 4-й мушкетёрские — в Селенгинский полк¹⁰. В мае 1797 г. 20-й (бывший 2-й) егерский батальон преобразовали в 20-й егерский полк (за счёт включения в его состав бывшего Колывано-Воскресенского батальона); 19-й (бывший 1-й) егерский батальон стал 19-м егерским полком. Бывшие 5-й и 6-й батальоны составили Екатеринбургский мушкетёрский полк, который, правда, не вошёл в состав Сибирской дивизии, будучи дислоцирован западнее, на Урале¹¹. На пограничных линиях остались два кавалерийских полка: Сибирский драгунский располагался между Звериноголовской крепостью и Омском (Пресногорьковская линия), Иркутский драгунский — между Омском и Усть-Каменогорской крепостью (Иртышская линия). Ширванский мушкетёрский полк квартировал в Омске, Томский — в Колывани, Селенгинский — в Усть-Каменогорской крепости, куда его передислоцировали вместо Иркутского полка. Вместе с драгунами на линиях остались и оба егерских полка, причём их расположили там, «перемешав с драгунскими эскадронами»¹².

Для изучения я использую списки штаб- и обер-офицеров шести из семи полков, относящиеся к 1798–1799 гг. (единственный список личного состава 19-го егерского полка сохранился только за 1800 г.)¹³. В пяти из этих полков (Томском и Селенгинском мушкетёрских, Иркутском и Сибирском драгунских, 20-м егерском) числились на действительной службе 29 штаб-офицеров (от секунд-майоров до полковников, в это число не включены шефы полков) и 240 обер-офицеров (от прапорщиков до капитанов), всего 269 человек¹⁴. Из них 80 показывали себя штаб- и обер-офицерскими детьми (двое штаб-офицеров, 78 обер-офицеров). В свою очередь, 30 человек из их числа, как удалось установить, были именно сыновьями офицеров, нёсших военную службу в Сибири на протяжении второй половины XVIII в. Доля в 37,5% заставляет присмотреться к этим людям, происхождению и служебной карьере не только их самих, но и их отцов.

Штаб-офицерскими детьми показывали себя 10 человек (ровно треть), остальные 20 записаны как обер-офицерские дети (в Томском — 11, в Селенгинском — 9, в 20-м егерском — 5, в Сибирском — 4, в Иркутском — 1). Нетрудно заметить, что большинство ($\frac{2}{3}$) служили в двух мушкетёрских (пехотных) полках. К концу XVIII в. двое уже состояли в чине капитана, трое — штабс-капитана, поручиков насчитывалось пятеро, подпоручиков — 17, прапорщи-

⁹ Дмитриев А.В. Русская регулярная армия... С. 171–172.

¹⁰ РГАДА, ф. 20, оп. 1, д. 280, л. 34.

¹¹ Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. 7. СПб., 1900. С. 10–14.

¹² РГАДА, ф. 20, оп. 1, д. 280, л. 34.

¹³ РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 1575, 1603, 1619, 1751, 2375, 2573.

¹⁴ Здесь и далее все подсчёты сделаны по материалам указанных архивных дел.

ков — трое. Интересно заметить, что военную карьеру начинали с чина рядового, как это предписывалось действующим законодательством, отнюдь не все из них. Восемь человек уже при зачислении на службу получили чин капрала или даже унтер-офицера. Распространение подобной практики в отношении дворянских отпрысков, в том числе попадавших в состав частей Сибирского корпуса, на протяжении почти всей екатерининской эпохи уже отмечалось¹⁵, однако, как свидетельствуют выявленные данные, этой возможностью могли воспользоваться также штаб- и обер-офицерские дети. Например, капитан Селенгинского полка Пётр Страшников поступил в 16-летнем возрасте капралом в Троицкий драгунский полк, а его сослуживец подпоручик Пётр Андреев в 18 лет получил аналогичный чин в Иркутском полку¹⁶. Пятеро начали карьеру сразу с первого унтер-офицерского чина подпрапорщика, а подпоручик Томского полка Василий Кузнецов и вовсе в 15 лет был зачислен сержантом в 1-й Селенгинский пехотный батальон¹⁷. Можно предположить, что на отдалённой сибирской «окраине» империи военные власти не слишком строго следили за соблюдением правил при поступлении на службу офицерских сыновей, что и приводило к подобным казусам.

Любопытная картина обнаруживается при изучении данных о том, чьими сыновьями являлись эти офицеры. У большинства отцы в своё время несли службу не в полевых, а в гарнизонных войсках Сибири — сыновьями штаб- и обер-офицеров гарнизонных частей Сибирского корпуса оказались 23 человека. Хотя гарнизонная служба в течение XVIII в. являлась безусловно менее престижной и выгодной в карьерном отношении, нежели полевая, это обстоятельство не помешало гарнизонным офицерам обеспечить детям места в штате полевых подразделений. У 17 человек отцы сами являлись потомственными военнослужащими во втором поколении — почти в равной пропорции среди них представлены сыновья солдат (9 человек) и те же самые штаб- и обер-офицерские дети (8 человек). Таким образом, к концу XVIII в. среди населения Сибири обнаруживается более десятка фамилий, чьи представители принадлежали к армейской среде уже в третьем поколении. С военным делом потомственно связаны также двое офицеров, чьи отцы по происхождению относились к сибирскому казачеству: подпоручик Селенгинского полка Иван Вялов был сыном нарымского казака Афанасия Вялова, много лет прослужившего в гарнизонных частях Сибири и достигшего чина прапорщика, а подпоручик 20-го егерского полка Иван Куланов — сыном происходившего из тобольских казачьих детей Дениса Куланова, также ставшего прапорщиком Томского гарнизонного батальона¹⁸. Сыновья сумели достигнуть более высоких чинов, чем отцы.

У троих офицеров Томского полка отцы показывали себя выходцами из купечества, а отцом подпоручика 20-го егерского полка Алексея Козмина был егерский подпоручик Лукьян Козмин, взятый по рекрутскому набору из крестьян¹⁹. Ещё трое принадлежали к семействам, представлявшим груп-

¹⁵ Дмитриев А. В. Русская регулярная армия... С. 192–195.

¹⁶ РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 1575, л. 12 об.—13, 27 об.—28.

¹⁷ Там же, д. 1603, л. 25 об.—26.

¹⁸ Там же, д. 1575, л. 27 об.—28; д. 1751, л. 54 об.—55. О службе их отцов см.: Там же, ф. 490, оп. 1, д. 302, л. 41 об.—42; оп. 5, д. 324, л. 521 об.—522; д. 508, л. 789 об.—790 (прапорщик Вялов); оп. 5, д. 324, л. 529 об.—530; д. 508, л. 793 об.—794 (прапорщик Куланов).

¹⁹ Там же, ф. 489, оп. 1, д. 1751, л. 55 об.—56. О Козмине-старшем см.: Там же, д. 1989, л. 33 об.—34.

пы служилого населения Сибири. Отец поручика Сибирского полка Василия Плотникова поступил на службу в гарнизонные части в середине века «из неверстаных детей боярских Тобольска», а отцы штабс-капитана Селенгинского полка Александра Евсевьева и поручика Томского полка Ивана Шатилова показывали себя выходцами из дворян. Правда, фамилия Евсевьевых относилась к сибирским дворянам, которые в XVIII в. не считались принадлежащими к «благородному шляхетству». Шатиловы же, судя по всему, утратили дворянское звание, поскольку дед Ивана Василий-старший, прибыв в Сибирь с Якутским гарнизонным пехотным полком ещё в 1725 г., происходил из дворян Переяславля-Рязанского. Его сын Василий-младший сохранял дворянское достоинство, а вот Ивана записали рядовым солдатом в состав Иркутской губернской роты уже как обер-офицерского сына²⁰.

Наконец, среди этих людей можно встретить и потомков лиц нерусского происхождения, с принятием «вечного российского подданства» изменивших социальный статус. Это можно определённо утверждать в отношении двоих офицеров: штабс-капитана Селенгинского полка Александра Гренинга и поручика Сибирского полка Петра Винклера. Первый – сын уроженца Пруссии Иоганна Гренинга, вероятно, военнопленного времён Семилетней войны, который, оказавшись в Сибири, сумел стать адъютантом в штабе генерал-майора К. фон Фрауендорфа, а потом продолжал службу в полевых подразделениях Сибирского корпуса²¹. Второй родился в семье саксонского дворянина Теодора фон Винклера, который, очевидно, жил в России с детства, поскольку прошёл обучение в Сухопутном кадетском корпусе, и с 18 лет всю жизнь провёл в армии, дослужившись до должности командира одного из полевых батальонов Сибирского корпуса. Поэтому Петра записали как штаб-офицерского сына с пометкой «саксонской нации из дворян»²². Этих людей можно причислять к потомственным военным «неблагородного» происхождения лишь с определённой долей условности.

Присмотримся внимательнее к нескольким представителям «офицерских династий», складывавшихся в Сибири на протяжении XVIII в., особенно к насчитывавшим уже три поколения. В 1740 г. 2-й ротой Сибирского гарнизонного драгунского полка командовал капитан Антон Поляков, попавший в ряды регулярной армии в начале XVIII в. По происхождению он принадлежал к служилым людям «старых служб», т.е. к группам приборного служилого населения, фактически ликвидированным в ходе петровских реформ²³. Он числился в формулярном списке полка как сын сотника «прежних служб» Исетского

²⁰ Там же, д. 2573, л. 66 об.–67; ф. 490, оп. 5, д. 324, л. 492 об.–493; д. 508, л. 832 об.–833 (Плотниковы); ф. 489, оп. 1, д. 1575, л. 14 об.–15; ф. 490, оп. 5, д. 494, л. 388 об.–389 (Евсевьевы); ф. 489, оп. 1, д. 1603, л. 21 об.–22; ф. 490, оп. 1, д. 321, л. 2 об.–3; оп. 5, д. 325, л. 218 об.–219 (Шатиловы). О сибирских дворянах см., например: *Громыко М.М.* К характеристике сибирского дворянства XVIII в. // *Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма)*. М., 1973. С. 350–363; *Акишин М.О.* Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в.: организация и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск, 2003. С. 273–275, 343–348.

²¹ РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 1575, л. 15 об.–16; ф. 490, оп. 3, д. 127, л. 405 об.–406.

²² Там же, ф. 489, оп. 1, д. 2573, л. 59 об.–60; д. 1985, л. 11 об.–12.

²³ Пути попадания представителей этих групп в ряды регулярной армии в петровскую эпоху проследил М.Д. Рабинович (*Рабинович М.Д.* Судьбы служилых людей «старых служб» и однодворцев в период формирования регулярной русской армии в начале XVIII столетия. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1953).

острога одноимённой провинции Сибирской губ.²⁴ Его сына Николая Полякова записали на военную службу в 1740 г. в 14-летнем возрасте. Он сумел дослужиться до штаб-офицерского ранга — в 1784 г. командовал Семипалатинским гарнизонным линейным батальоном в чине секунд-майора²⁵. Младший брат Николая Семён, также избравший военное поприще, не добился особых успехов: в 1772 г., после четверти века службы в армии, он числился всего лишь «сверхкомплектным» прапорщиком Томского гарнизонного батальона, вероятно, имея проблемы с дисциплиной, поскольку «за пьянство и неучтивость перед командой был в аресте два раза»²⁶. Сын Николая Пётр Поляков, как и отец, сделал успешную карьеру. 16—17-летним юношей в чине подпрапорщика в одной из лёгких полевых команд (когорт) Сибирского корпуса в 1773—1774 гг. он принял участие в боевых действиях против отрядов Емельяна Пугачёва²⁷. При этом, правда, его записали по происхождению не штаб-, а обер-офицерским сыном, поскольку родился он до того, как его отец получил производство в чин прапорщика. Зато Пётр Поляков продвигался по служебной лестнице даже быстрее отца: Николая Полякова произвели в обер-офицеры по достижении 30-летия, а Пётр стал прапорщиком в 27 лет. В 1799 г. в возрасте чуть более 40 лет он был произведён в капитаны Томского полка.

Другим примером может служить семейство Сергеевых, выделившееся из многочисленного рода тобольских казаков. Василий Сергеев «тянул лямку» с 1703 г., когда в возрасте 16 лет попал в армию по рекрутскому набору. Ему пришлось четверть века ждать повышения в обер-офицеры (прапорщиком он стал в 1728 г.), зато его дальнейшая судьба складывалась благополучно. Через 20 лет, в 1748 г., его произвели в секунд-майоры Tobольского гарнизонного пехотного полка; служил он даже после достижения 60-летия²⁸. В 1732 г. у него родился сын Александр, в 15-летнем возрасте записанный на службу рядовым. Несмотря на, казалось бы, хорошую «стартовую позицию» штаб-офицерского сына, карьера Александра Сергеева не сложилась. Он быстро дослужился до поручика (в 1763 г., в возрасте 31 года), но дальше продвинуться не сумел. Причина тому — его многочисленные правонарушения и проступки. В 1770 г. Александр Сергеев учинял «шумства и обиды» копиисту Селенгинской воеводской канцелярии Березовскому, «выговаривал бранные слова, кои изъяснить не можно»; затем находился под следствием по поводу «недостающего числа экономического содержания денег» (т.е. средств, отпускаемых казной для экономических крестьян). Будучи в Селенгинске, он посылал находившегося на гауптвахте арестанта на выполнение «партикулярной» работы в пользу частного лица, а в 1779 г. незаконно добивался освобождения от постоянной повинности своих подчинённых, имевших дома в Кударинской крепости. Помимо прочего, он получил физическое увечье, потеряв глаз. В 1785 г. его сочли негодным к продвижению по службе, вынеся вердикт: «Как у него правого глаза совсем нет, то за тем и за битьем прежде в штрафе к повышению чина не устаивается»²⁹.

²⁴ РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 210, л. 39 об.—40.

²⁵ Там же, оп. 5, д. 494, л. 326 об.—327.

²⁶ Там же, д. 324, л. 524 об.—525. Состоящими «сверх комплекта» в русской армии XVIII в. считались офицеры, которые при зачислении в состав того или иного полка/батальона не могли рассчитывать на должность согласно своему чину ввиду занятости всех соответствующих вакансий.

²⁷ Там же, ф. 489, оп. 1, д. 1603, л. 15 об.—16.

²⁸ Там же, ф. 490, оп. 1, д. 22, л. 29 об.—30; д. 246, л. 118 об.—119; д. 335, л. 1 об.—2, 72 об.—73.

²⁹ Там же, оп. 5, д. 325, л. 218 об.—219; д. 510, л. 238 об.—240.

Наиболее многочисленной из офицерских династий стала семья сибирских дворян Андреевых. Уроженец Тобольска Григорий Андреев прослужил в сибирских гарнизонных частях более 20 лет, достиг капитанского чина, а в 1753 г., как записал в «Домовой летописи» его сын Иван, «отлучился в Москву для исходатайствования себе от службы увольнения» и перешёл на гражданскую службу, «получа отставку, с награждением чина коллежского ассесора, Иркутской губернии в город Илимск воеводою»³⁰. Старший брат Григория Иван не достиг особых успехов по службе, поскольку «по несчастию имел великую страсть пития, так что не было способа к воздержанию, сколько старания ни прилагаемо», и «будучи в Ширванском полку капралом, и как оный полк в 1751 г. взят был из Сибири в Россию, в городе Тюмени умер»³¹. Григорий Андреев, скончавшийся илимским воеводой в 1755 г., имел пятерых сыновей, все они пошли на военную службу³². По данным других источников известны трое старших: Александр, Иван и Флегонт, а о двоих младших, Анемподисте и Афиногене, из «Домовой летописи» следует, что в 1764 г. они были «определены в службу, из коих Анемподист, будучи в Ревельском драгунском полку прапорщиком, от чахотной болезни 1768 г. умре в крепости Омской; Афиноген, будучи уже в 1772 г., после расформирования полков в 10 легкой, полевой команде, и будучи во время бунта (восстания Пугачёва. — *А.Д.*) в походе, женившись в Тюмене... вышел в отставку, и потом в Тобольске в Нижнем Надворном суде по отставке поручиком»³³.

Александр Григорьевич Андреев, как и отец, дослужился до капитанского звания, однако по достижении 35 лет стал вести беспорядочную жизнь. Иван Григорьевич, повествуя о старшем брате, употреблял выражения «придерживался весьма невольных подгулок... начал весьма уклоняться в подгулки... будучи всегда в подгулках» (имея в виду, что Александр всё время пьянствовал). В Усть-Каменогорской крепости он поссорился с комендантом, а в 1781 г. избил до смерти собственного слугу и по завершении следствия застрелился³⁴. Флегонт служил сначала в гарнизонных, затем в полевых частях Сибирского корпуса, в 1787 г. был произведён в прапорщики, но вскоре, видимо, завершил военную карьеру. Его брат Иван упомянул, что в 1793 г. получил «письмо от брата Флегонта, что он в Енисейске при винном Каменском заводе вторым приставом»³⁵.

Сам Иван Григорьевич Андреев был человеком неординарным. Став военным инженером, он много лет прослужил на сибирских пограничных линиях, занимаясь топографическими работами и проектируя некоторые из возводимых на линиях укреплений. Имея склонность к литературному творчеству, помимо предназначенной для потомков «Домовой летописи», Иван Андреев стал автором историко-этнографического труда «Описание Средней орды киргиз-

³⁰ Домовая летопись, писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 году. М., 1871. С. 5; РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 210, л. 2 об.—2а; д. 335, л. 4 об.—5, 72 об.—73. О карьере Г. Андреева см.: Акишин М.О. Российский абсолютизм... С. 196, 204.

³¹ Домовая летопись... С. 3.

³² Вторым из пяти сыновей как раз и был упомянутый Иван Андреев, автор «Домовой летописи».

³³ Там же. С. 10.

³⁴ Там же. С. 11; РГВИА, ф. 490, оп. 5, д. 324, л. 556 об.—557.

³⁵ Домовая летопись... С. 11; РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 1987, л. 333 об.—334; ф. 490, оп. 5, д. 494, л. 364 об.—365.

кайсаков»³⁶. Прослужив в армии без малого 40 лет, он в 1797 г. вышел в отставку в чине майора и в 1824 г. скончался в Семипалатинске в возрасте 80 лет³⁷. Иван Андреев, не являясь потомственным дворянином, тем не менее стал обладателем пяти «ревизских душ» с семьями, доставшихся ему по наследству от покойных родителей после раздела имущества, произведённого в Тобольске в 1783 г. Он сам повествовал об этом так: «Разделил с братьями Афиногеном и Флегонтом людей оставших отцовских и живших в деревне столько лет по смерти матери нашей с 1759 г.; не имев над собою смотра и не видя господ, при воспоследующей сего года ревизии, взбунтовав, многие подавали челобитные, называя себя вольными людьми, что было мне весьма трудно ходатайствовать»³⁸. Этих людей Иван Андреев отправил в Семипалатинскую крепость, после тянувшейся несколько лет переписки между Тобольским и Колыванским губернскими правлениями оформил их как своих дворовых на купленных землях, «где была прежде деревня государственных крестьян Ляпунова». Как он утверждал, «великаго сие мне стоило труда приводить распутных сих людей в порядок, кои еще мыслили иногда, что они вольные и будут еще моим коштом доставлены обратно в Тобольск; однако ж я, имев о сем великодушие, сносил все без роптания, а только приводил ко обзаводству, к хлебопашеству и трудам, кои несносны им казались»³⁹. Среди офицеров армейских частей в Сибири земле- и душевладение вообще было редким явлением⁴⁰.

Представителем третьего поколения семьи Андреевых стал сын Ивана Григорьевича Пётр, в конце XVIII в. подпоручик Селенгинского полка, родившийся в 1771 г.⁴¹ В 1789 г. его зачислили капралом в Иркутский драгунский полк, однако отец отвёз его к месту службы только в следующем 1790 г.: «Апреля 10 поехал я в крепость Устькаменогорскую и повез с собою сына Петра, определенного уже в полк Иркутский»⁴². Отец не оставлял сына заботой — в декабре 1800 г. он посылал ему некоторые вещи: «К 21 числу послано сыну Петру с капитаншей Ушаковой Прасковьей Гавриловной куртка синяя верверетовая на меху белом лапчатом мерлушчетом, обложена лисицами»⁴³. Кроме Петра у Ивана Григорьевича были ещё сыновья Павел и Александр (родились в 1784 и 1785 гг.), однако они не могли к рубежу XVIII–XIX вв. начать военную карьеру. Свою дочь Марию Иван Григорьевич в 1800 г. выдал замуж за капитана Петра Полякова⁴⁴. Вероятно, он давно знал отца последнего, майора Николая Полякова, поскольку упомянул, что в 1793 г. «9 апреля отдана во управление гарнизонная школа майору Полякову, коя у меня была с начала учреждения»⁴⁵. Таким образом, офицеры из числа потомственных военных даже для своих дочерей предпочитали искать супругов среди сослуживцев в армейской среде.

Можно привести ещё несколько примеров подобного рода. Капитан Страшников женился на «прапорщицъей дочери» из Бийска; супругой подпо-

³⁶ Андреев И. Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Алматы, 1998. С. 24–118.

³⁷ Там же. С. 10; РГВИА, ф. 490, оп. 5, д. 324, л. 557 об.—558; д. 494, л. 335 об.—336.

³⁸ Домовая летопись... С. 31.

³⁹ Там же. С. 32.

⁴⁰ Аналогичные примеры см.: Акишин М. О. Российский абсолютизм... С. 363, 364.

⁴¹ Домовая летопись... С. 20.

⁴² Там же. С. 58.

⁴³ Там же. С. 112. Верверет (правильно: вельверет, от фр. *velverette*) — хлопчатобумажный бархат, вельвет. Мерлушка — шкура с ягнёнка грубошёрстной породы овец.

⁴⁴ Там же. С. 105–107.

⁴⁵ Там же. С. 65.

ручика Алексея Козмина была «Вера Яковлева дочь прапорщика Безносова»⁴⁶. Несколько человек из 20-го егерского полка, очевидно, обзавелись семьями до того, как сами достигли обер-офицерских рангов, поэтому и их супруги не принадлежали к офицерским семьям. Подпоручики Иван Куланов и Глеб Дарнин женились на солдатских дочерях, их сослуживец подпоручик Козьма Спицын — на дочери отставного капрала⁴⁷. Зато женой штабс-капитана Томского полка Петра Савельева стала «Катерина Михайлова дочь покойного секунд-майора»⁴⁸. Семьи, где оба супруга принадлежали к военной среде, не были редкостью в Сибири. И.Г. Андреев свидетельствовал, что в Омске в 1794 г. «Сибирского полку майор Скалон, Антон Антонович, женился на дочери коменданта Кеслера Каролине Христофоровне; венчаны за р. Омью в лагере, в палатке подполковника Дельпоца. Была опера “Разнощик” и изрядная гулянка»⁴⁹.

Наибольшими карьерными достижениями могла похвастать династия Воиновых. Тюменский сын боярский Егор Воинов попал в армию поздно, в возрасте почти 30 лет, когда в 1738 г. его зачислили в формирующийся в Сибири Новоучрежденный гарнизонный пехотный батальон. Через 10 лет он дослужился до чина прапорщика⁵⁰. Михаил Егорович Воинов родился в 1737 г., до 16-летнего возраста жил с матерью, а в 1753 г. поступил в гарнизонные войска рядовым солдатом. Последовательно пройдя все унтер- и обер-офицерские чины, в 1780-х гг. он стал уже секунд-майором и перешёл на службу в полевые части Сибирского корпуса⁵¹. Двое его сыновей служили в полевых полках Сибирской дивизии в чинах подпоручиков: старший, Степан, служил в 20-м егерском полку, младший, Иван — в Томском. Статус их определялся по-разному. Степан родился до получения Михаилом Егоровичем штаб-офицерского чина и был записан «из обер-офицерских детей». Иван, родившись на 11 лет позднее, числился «из штаб-офицерских детей». Хотя оба они начали службу рядовыми, но продвигались по служебной лестнице разными темпами. Степан Воинов сначала состоял во 2-м Тобольском гарнизонном пехотном батальоне и только с 1787 г. поступил во 2-й егерский полевой батальон, чин же подпоручика получил лишь в 1798 г. Иван же сразу попал в полевые войска, с 1793 г. проходя службу в Екатеринбургском пехотном батальоне, откуда его перевели в Томский полк. Там он быстро стал прапорщиком (1798), затем подпоручиком (1799)⁵². Можно предположить, что отец, устраивая карьеру младшего сына, располагал большими возможностями: как раз в начале 1780-х гг., когда Степан

⁴⁶ РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 1575, л. 12 об.—13; д. 1751, л. 55 об.—56.

⁴⁷ Там же, д. 1751, л. 54 об.—56.

⁴⁸ Там же, д. 1603, л. 17 об.—18.

⁴⁹ Домовая летопись... С. 69. А.А. Скалон, сын бывшего командующего Сибирским корпусом А.Д. Скалона, принадлежал к роду французских дворян-гугенотов, перебравшихся в Россию в начале XVIII в., дослужился до генеральского чина и погиб в сражении под Смоленском 5 августа 1812 г. (*Каменецкий И.П.* Генералы Скалоны в России (1735—1812 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. № 4. С. 41—45). Х.С. Кеслер, уроженец Бранденбурга, уже в молодости, в 1744 г., попал в Сибирь с Луцким драгунским полком, занимал должность коменданта в Омске, стал кавалером орденов Св. Георгия 4-го класса и Св. Владимира 4-й степени (РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 6211, л. 892 об.—893; ф. 490, оп. 1, д. 427, л. 148 об.—149; д. 492, л. 144 об.—145; оп. 3, д. 83, л. 173 об.—174; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1794. СПб., 1794. С. 343).

⁵⁰ РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 242, л. 46 об.—47; д. 302, л. 22 об.—23; д. 335, л. 118 об.—119.

⁵¹ Там же, ф. 489, оп. 1, д. 1292, л. 41 об.—41а; ф. 490, оп. 5, д. 325, л. 211 об.—212; д. 510, л. 230 об.—231.

⁵² Там же, ф. 489, оп. 1, д. 1751, л. 54 об.—55; д. 1603, д. 1603, л. 26 об.—27.

начинал служить в Тобольске, Михаила Егоровича определили на должность товарища воеводы Якутской провинции⁵³. Находясь там, он не мог покровительствовать старшему сыну.

Впрочем, отнюдь не всегда отцы штаб- и обер-офицерских детей до конца жизни оставались на военной службе. Известны по крайней мере два случая, когда такие офицеры переходили на те или иные должности в аппарате гражданского управления Сибири. Отец поручика Томского полка Ивана Шатилова Василий, долгое время служивший в гарнизонных подразделениях Забайкалья, в 1786 г. числился председателем 2-го департамента Иркутского губернского магистрата с чином надворного советника⁵⁴. Николай Гаврилович Евсевьев, отец штабс-капитана Селенгинского полка Александра Евсевьева, в молодости побывал на кавказском театре русско-турецкой войны 1768–1774 гг. обер-офицером полевого пехотного полка, выведенного из Сибири к концу 1760-х гг.: «Был в походе в Грузии, Имеретии и Мингрелии, при взятии Кутаиси, при штурме около крепости Потти ретраншемента, занятии форштадта и осаде той крепости». Затем он вернулся в Сибирь, принимал участие в боевых действиях против Пугачёва («был в Тобольской и Оренбургской губерниях во время внутреннего замешательства»), в 1776 г. его произвели в секунд-майоры, а в первой половине 1780-х гг. он занимал должность коменданта Железенской крепости на Иртышской линии. На последней должности он «отличился» множеством неблагопристойных поступков. Его обвиняли в применении насилия к крепостному провиант-комиссару Клепикову: «Браня его, Клепикова, подлой бранью, срывал с него шпагу своими руками, в навязывании на шею ему веревки, вставлении в рот кляпа и в привязывании оного на бастионе к пушке». Комендант использовал труд ссыльных колодников и подчинённых ему солдат для постройки собственных хутора и кожевенного завода, в канцелярской отчётности путал данные относительно объёмов перевозимого провианта и уплаченных за это денег. Сначала Евсевьев отделялся штрафами, но впоследствии его начальник, бригадир и омский комендант А. Клавер сделал ему «наикрепчайший выговор с подтверждением, чтобы он впредь от того воздержался»⁵⁵. Вероятно, поэтому Николая Евсевьева перестали повышать в чинах, и он предпочёл перейти на гражданскую службу. В 1796 г. он состоял городничим в Енисейске, хотя и сохранил армейский чин секунд-майора⁵⁶. Репутация отца не помешала его сыну: Александр Евсевьев начал службу в 17 лет с чина подпрапорщика в Семипалатинском полевом батальоне и всего через девять лет дослужился до штабс-капитана.

Подобные офицерские династии можно проследить и далее, однако приведённого материала, думается, достаточно. Правда, всего через несколько лет, в 1808–1810 гг., все полевые части русской армии вывели из Сибири,

⁵³ Месяцеслов... 1782. СПб., 1782. С. 451; Месяцеслов... 1783. СПб., 1783. С. 465.

⁵⁴ Месяцеслов... 1786. СПб., 1786. С. 327.

⁵⁵ РГВИА, ф. 490, оп. 5, д. 494, л. 388 об.–389.

⁵⁶ Месяцеслов... 1796. СПб., 1796. С. 374. Он владел полутора десятками дворовых людей (*Быконя Г. Ф.* Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв. (Формирование военно-бюрократического дворянства). Красноярск, 1985. С. 237, 238 (фамилия указана неверно: Евсеев). О практике перехода представителей фамилий сибирских дворян, к которым принадлежали Евсевьевы, с военной службы к «статским делам» во второй половине XVIII в. упоминал А. Р. Ивонин (*Ивонин А. Р.* Городовое казачество Западной Сибири в XVIII – первой четверти XIX в. Барнаул, 1996. С. 34–35).

и процесс дальнейшего складывания и существования потомственных семей офицеров оказался оборван на втором или третьем поколении. Однако можно предположить, что обращение к данным списков личного состава гарнизонных войск в Сибири позволит выявить даже большее количество феноменов, аналогичных уже изученным по спискам полевых частей. Гарнизонные части продолжили службу в Сибири и в XIX в., хотя с 1816 г. их исключили из организационной структуры регулярной армии и перевели в статус подразделений внутренней стражи⁵⁷.

Исходя из собранных и проанализированных данных, можно как минимум скорректировать определение «военного сословия», используемое Б.Н. Мироновым для большей части имперского периода российской истории, с первой четверти XVIII до середины XIX в. Говоря о «военном сословии» и относя его представителей к разночинцам, учёный фактически смешивает друг с другом лиц, занимавших различное положение как в рядах регулярной армии, так и в социальной системе страны — офицеров, представлявших целые потомственные династии, и рядовых военнослужащих, которые уже с конца XVIII в. могли покидать армию по истечении 25-летнего срока. Миронов признаёт, что «в составе офицерского корпуса много было выходцев из недворян... Широко практиковалось производство в офицеры из нижних воинских чинов недворянского происхождения»⁵⁸. Это заставляет усомниться в правомерности объединения офицеров, тем более потомственных, и рядовых солдат в рамках одного общего термина «военное сословие».

Некоторые современные исследователи предпочитают понимать под «военным сословием» не офицеров, а солдат. Они полагают, что «военное сословие» «с точки зрения межсословной мобильности было открытым на входе, но закрытым на выходе», считают возможным говорить о том, что «в оценках российской и зарубежной историографии военное сословие являлось особым социальным институтом, с присущими только ему групповыми интересами, настроениями, правовым статусом и социальным поведением»⁵⁹. Проследив судьбы отставных военных, они оперируют данными исключительно по рядовому составу, но не по офицерскому корпусу⁶⁰. Подобный подход выглядит более логичным, нежели механическое объединение в рамках одной социальной группы почти всех лиц, находившихся на военной службе в составе частей регулярной армии Российской империи.

При анализе социальной динамики безусловно должны учитываться особенности, характерные для регионов Российской империи на всём протяжении её существования. Армейские офицеры из числа штаб- и обер-офицерских детей на территории Сибири представляли собой определённую социальную группу⁶¹. Некоторые из них получали возможность обзаводиться земельными

⁵⁷ Кузнецов М.Ю. Местные войска в Восточной Сибири (1864–1918 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2020. С. 30–31.

⁵⁸ Миронов Б.Н. Российская империя... Т. 1. С. 448, 449.

⁵⁹ Киселёв А.С., Щербинин П.П. Историко-правовые аспекты формирования военного сословия в XVIII в. // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2015. Вып. 8(148). С. 146, 148.

⁶⁰ Щербинина Ю.В., Невзоров Е.Ю. Демографическое поведение и семейная жизнь военных ветеранов в Российской империи в XVIII–XIX вв. // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. Т. 24. 2019. Вып. 178. С. 121–127.

⁶¹ С.В. Волков даже определяет таких людей как «особое сословие», тем самым чётко отделяя их от рядового состава армии (Волков С.В. Русский офицерский корпус. С. 39).

владениями и дворовыми людьми, официально не имея дворянских титулов. Это позволяет поставить вопрос: можно ли рассматривать достижение обер- и штаб-офицерских чинов лицами недворянского происхождения как один из факторов социальной мобильности в имперском социуме XVIII–XIX вв. в целом и в Сибири в частности? Для ответа на него необходимы исследования на материалах других регионов. Только после выяснения во всех подробностях социального происхождения и карьерных достижений людей, связанных на протяжении нескольких поколений с армейской средой, возможны обоснованные выводы о положении этих офицеров в социальной системе России на протяжении большей части XVIII – первой половины XIX в.